

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ
**БОРИСА
И ГЛЕБА**

Сергей СОРОКА

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ

Интернациональный Союз писателей

Международный фестиваль Бориса и Глеба

Сергей Сорока
Философия любви

«ИП Березина Г.Н.»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Сорока С.

Философия любви / С. Сорока — «ИП Березина Г.Н.»,
2019 — (Международный фестиваль Бориса и Глеба)

ISBN 978-5-00153-120-3

«Философия любви» – книга стихов о любви и не только. Читателю откроются темы войны и мира, добра и зла, семьи и земного шара. Но и это не весь список тем, представленных в книге. «Философия любви» – это стихи не просто о любовных отношениях, а о нежности, верности и постоянстве визави, основанных на взаимной преданности с преодолением жизненных трудностей. Кроме этого в ней нашло отражение как прошлое, так и настоящее с предполагаемым будущим. Стихи о природе занимают в книге довольно много места. Жизнь лирических героев находится в самой романтичности, что тоже основано на обоюдной нежности. Главные герои находятся в статусе детей войны, но их взаимопонимание по-прежнему служит основой любви.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00153-120-3

© Сорока С., 2019
© ИП Березина Г.Н., 2019

Содержание

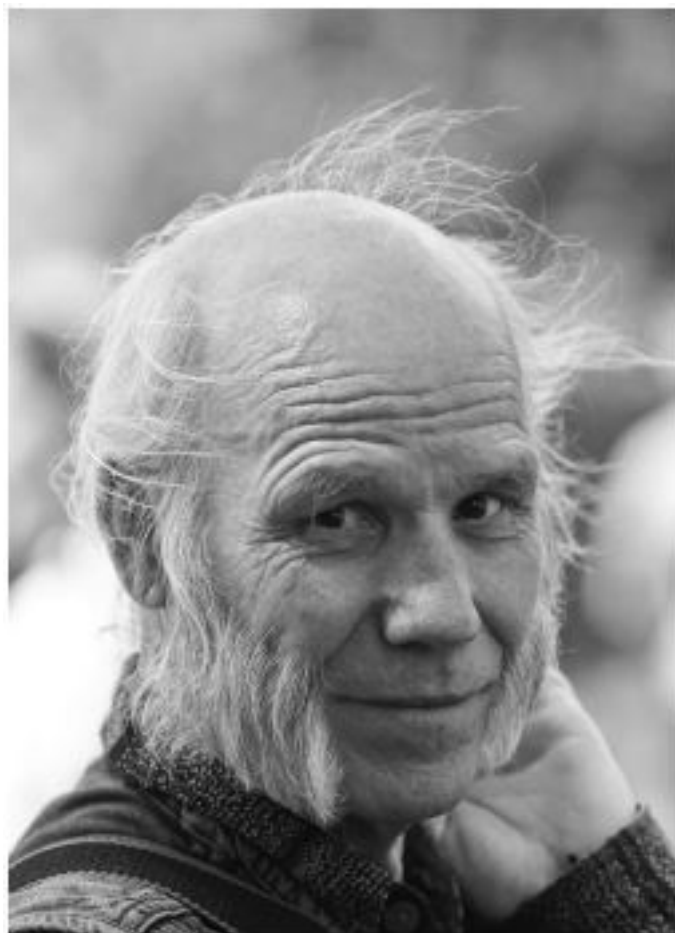
Философия любви	7
Святой путь	8
Души полнятся	9
Подметила	10
Пошутили	11
Испарилась вмиг	13
Мотались	14
Будто в Кремле	15
Я слышу	16
К переменам нет стремленья	17
Досмотреть	18
И потрогать	19
Они спокойны	20
На ветру звенят	21
Всё ж доколе	22
Верхами	23
Затуманилась	24
И швартуется	25
Светят огни	26
Потомкам	27
Меня суть	28
Одаривает строкой	29
Накрывают	30
Устали хлопать	31
Заставляет понять	32
Некоторые	33
На Чуйском буксовал	35
С мечтою	36
Не богатство	37
Не особое	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Сорока

Философия любви

© Сергей Сорока, 2019

©Интернациональный Союз писателей, 2019

Сергей Сорока (Сергей Сергеевич Кротов) родился в деревне Боровиково Алтайского края 1 ноября 1940 года. Читать учился по «Евгению Онегину», так как все «Буквари» и «Родные речи», оставшиеся от старших сестёр, спрятали. Ещё не было и трёх лет, как начал проговаривать стихами. Бабушка поинтересовалась: «Что ты всё бурчишь? Мне хоть скажи». Сергей сказал. Бабушка посоветовала: «Не сказывай отцу». А он и отцу поведал, и получил по пятой точке ремнём, потому как было матерное слово. С тех пор в текстах мат не употребляет. В школу пошёл в 1947 году по личному разрешению директора школы, после устроенного «экзамена»: Сергей прочёл по памяти несколько строф из «Евгения Онегина» и полностью рассказал таблицу умножения. Учился в первом классе одну четвёртую четверть. В 1954 году успешно закончил Боровиковскую неполную среднюю школу и со свидетельством об окончании семи классов поступил в Барнаульское педагогическое училище, успешно закончил в 1958 году. Затем был Барнаульский аэроклуб, Бузулукский учебный центр. В 1963 году закончил Сасовское лётное училище, в 1969 году – Школу высшей лётной подготовки на Ли-2. Работал в полярной авиации, участник ВШЭ-70 (Высокоширотная экспедиция). Всё это время писал

стихи, рассказы, повести. Материала хватило на 60 книг, которые изданы с 1993 года по 2018 год под эгидой Центра Интеллектуально-Деловых Людей (ЦИДЛ).

Философия любви

Быть достойным – в этом сила
нежности с семьёй в пути.
Жить совместно и красиво –
философия любви.

Уважать поступки милой,
рядом радостно идти.
Не захватывая силой –
философия любви.

Восхищаться нежным взглядом
нам на ветреной Оби.
Волю не давая ссорам –
философия любви.

Быть нам верными друг другу,
крест взаимности нести
по прямой, а не по кругу –
философия любви.

Быть внимательными в жизни,
друг у друга быть в чести.
Обходиться без капризов –
философия любви.

СВЯТЫЙ ПУТЬ

Формула любви простая,
интегралов нету в ней.
Отношения листая,
понимаю счастье дней,

что прожили с милой вместе,
продолжая святой путь.
Всё по совести и чести,
не меняя ласкам суть,

продолжаем путь совместно,
восхищаться каждый день.
Ты всегда во всём прелестна,
красоту не скроет тень.

Так сияй в пространстве счастья,
за собой нас всех веди.
Пусть глаза твои лучатся,
но по формуле любви.

Помним мы с тобой тот вечер
за калиткой, у реки,
тёплый обдувал нас ветер,
строили с тобой мостки.

Души полнятся

Юность мчится вновь по строкам,
дарит искренность свою,
и пределов нет по срокам.
Ты, подобно соловью,

даришь сладкие триоли.
Души полнятся мечтой.
Чётко исполняем роли,
наслаждаясь красотой.

Принимаем позу «Лотос»,
понимаем роль свою,
разгадать себя непросто
даже в песне соловью.

Всё скрывается в сознание
и в мечтаниях двоих.
Не напрасные исканья,
коль родился этот стих

и поведал Миру в счастье
о любви и о мечте,
вместе чтоб с любимой мчаться
и всегда на высоте.

Подметила

Поздравила Маша рисунком –
мне Пушкин читает стихи.
Наверное, всё же о грустном,
к чему мы бываем глухи.

А внук преподнёс мне подарок –
красивый солидный сонет.
Свечи несгоревший огарок
мерцающий дарит мне свет.

Я вижу в подарках успехи.
Стихий отражённый сигнал.
Мои исправляют огрехи.
И праздник опять засверкал.

Подметила Оля, при этом
сощурила в ниточку глаз.
Довольна от внука сонетом,
от внучки рисунками в фас.

Платочек кудрявится синий
и яркий фонарь на столбе.
Не зря занималась ты с ними.
Они благодарны тебе.

Пошутили

Миновал мой день рожденья,
стало грустно на Душе.
Записал стихотворенье.
Песни смолкли в камыше.
Прошумел камыш, деревья
гнулись в пояс до земли.
В дружбу искренне поверил,
в состояние любви.
Стол накрытый дремлет в кухне,
не зовут меня к нему.
И развесистая клюква
стала ветхой посеми.
И подарки обремкались,
примелькались мне они,
и опять зазаикались
озадаченные дни.
За день я узнал, что лучший
и талантливый Поэт,
радость чистую несущий,
гениальней в Мире нет.

Понимаю, пошутили.
День рожденья – праздник ох!
В нём заканчивают штили,
начинают жизни шторм.
Сделай то и сделай это,
за продуктами сходи,
но нельзя же так с Поэтом
и по формуле любви.
Объяснять всё бесполезно,
нет признания в семье,
установлено железно

всё, что надо делать мне.
Выполнять беспрекословно
я обязан – в этом суть.
Исчезают мысль и слово,
наступает грусти муть.
Но проходит день – и снова
уважаемый в семье,
обновлённого ждут слова.
По душе такое мне.
И стихи ложатся в ноты,
и поётся мадригал,
начинаются полёты,

о которых я мечтал.

Испарилась вмиг

Без любви тоска и скука,
без тоски – наоборот,
поимённая наука,
с пониманием народ

не относится спокойно,
возмущается не зря.
Звёзды высыпали стройно,
испарилась вмиг заря.

Нам с любовью всё доступно
на просторах тишины,
где показано всё крупно
в измененье старины.

Без налёта синих патин
и без сколов по бокам,
нет ни гор уже, ни впадин.
Мы идём по облакам.

А внизу река, в ней солнце
отражается в воде,
весело оно смеётся,
как в рисунке на листе.

Мотались

С Днём матери оба поздравили,
тобой рождены два сынка.
Воспитаны нами по правилам,
хоть жизнь и была нелегка.

С тобою в порту мы работали,
мотались семьёй по портам.
Да в общем по Северу лётали,
чтоб легче жилось пацанам.

О них постоянно заботилась:
то садик, то школа. Без слов
всё лучшее им, чтоб не портилось
к тебе отношеньё сынов.

Олег управляет троллейбусом,
а Толя поднял универ,
его околпачили ребусом.
Так много профессорских стерв.

Ты им подарила до капельки
любовь материнскую всю!
Они для тебя, Оля, малышки
и дарят вниманьем весну.
Ты с нежностью к ним обращаешься.
Грубят иногда сыновья.
Им всё в этой жизни прощается,
все шишки летят на меня.

Мол, их воспитал без достоинства
и мало наказывал их,
смотри ты, какое спокойствие
на лицах блуждает у них.

Уверен, что всё образуется.
Сынки улыбнутся тебе
той детской улыбкой, почудится,
светлее вновь станет в избе.

И каждый обнимет и ласково
прижмётся, как в детстве, к груди.
Округа окутает сказкою
по формуле детской любви.

Будто в Кремле

Жил я весело когда-то
на пустынном берегу.
Так мне хочется обратно
даже в зимнюю пургу

оказаться на пароме,
где пятёрка лошадей,
и послушать дроби грома
под навесами ветвей,

под брезентовой палаткой,
где уха кипит в котле.
Всё отделано так гладко,
будто нахожусь в Кремле,

где блестят со звоном храмы,
золотые купола,
а вокруг пожухли травы,
успокоилась волна.

Снова стало всё зеркальным
с отражением небес,
перманентно натуральным,
переполненным чудес.

Я слышу

Я где-то условно упёртый
в невинность осенних листов.
Калач, безусловно, я тёртый
с приличным напором стихов.

Я жил под горой в деревушке,
а рядом бурлила река.
Воспитывал весело Пушкин.
О том, возгордившись, строка

поведала Миру, как тайну,
про встречи с Поэтом в мечтах.
Домишко люблю на окраине,
впечатан навеки в очах.

Смотрю за обские просторы,
дорогу пробил авто.
Я слышу детей разговоры,
хотя в деревушке пусто.

Но «Стрелка» на том же всё месте,
кустарник цветёт по весне.
При виде его моё сердце
волнуется, словно во сне.

К переменам нет стремленья

Над рекой осеннего сомненья
перламутровый туман стоит.
К переменам нет давно стремленья.
Тройка-Русь куда-то ночью мчит.

Забывается простор над Обью,
что покрыт туманной пеленой.
Кто-то воет по-над ней утробно
той забытою не мной весной.

Я смотрю на отраженье веток,
что касаются воды листвою.
Сонмы воздвигаются вновь клеток
на арене грубо мировой.

Здесь моя Отчизна снова в грусти,
отражается печаль в Оби.
Слёзы уж давно мои не льются,
выплаканы мной давно они

в детстве горьком по родимой маме.
Лишним оказался я в семье.
Не даёт покоя детства память,
до сих пор в страданье этом мне.

Досмотреть

Белокрылые чайки над полем
закружились опять по весне.
Вероятно, раздольное море
было с волнами здесь? Как во сне,

волны видятся в море штормящем,
бьются с силой о скалы опять,
в нём земельную твёрдость обрящем,
видят чайки и тихую гладь.

Вспоминают былую отвагу,
бесконечный свободный простор.
И слагают полётами сагу,
что так радует чайкам их взор,

оттого и парят в поднебесье
белокрылые чайки с весны.
Нет полей, и растёт мелколесье,
досмотреть им так хочется сны.

Каждый год прилетают на поле
и за трактором стаей летят,
недовольные горькою долей.
Волны катят, они не шумят.

И потрогать

Нет желанья никакого
петушиться и страдать.
Где бы подобрать мне слово,
чтобы мысли передать,

ничего не искажая
на просторах тишины,
голос свой не понижая,
всё воспеть из старины,

не прошедшего с веками
любопытства у меня.
И потрогать стих руками,
ощутив прилив огня

на осеннем перепутье
под визгливый стон сосны.
Ничего вы не забудьте,
через зиму до весны

пронесите мысль с мечтою –
состояться зимним днём
и за горькою чертою
вспыхнуть яростным огнём.

Они спокойны

Короткое лето в награду
Сибирь получает всегда.
Зимы одолевши преграду,
её омывает вода.

Вся светится в летнем раздолье.
Озёра и реки, Сибирь,
конечно же, наше приволье,
особый приветливый мир.

Суровый зимою, а летом
он нежное дарит тепло.
И каждый с любовью ответной.
Сибири с людьми повезло,

они, безусловно, спокойны,
в молчании равных им нет,
но жизни счастливой достойны,
кто выполнил Божий Завет.

Однако короткое лето
во благо полям и лесам?
Зимой отдохнут от наветов,
дав волю красивым стихам.

На ветру звенят

Есть валюта, нету денег,
чтобы золото купить.
Обвалился жизни берег,
и порвалась грусти нить.

Я отчалил от причала
и наполнил паруса.
Шхуна к осени примчала,
как четыре колеса.

Золотом покрыты листья,
на ветру они звенят.
Красота недолго длится,
скоро листья полетят,

словно бабочки, порхая,
забавляя этим нас.
Философия простая,
где осенний длится сказ.

Веселят простор осенний,
забывая всякий раз
гул ветров, как вздох весенний,
незаписанный рассказ.

Всё ж доколе

Однозначность, нет сомненья,
бьёт наотмашь без пурги,
потому в стихотворенья
не видать от грусти зги.

Веселится пусть природа
и позёмкою метёт,
словно дворник от порога,
не вмораживая в лёд

всю нелепость отраженья,
под прикрытием теней
происходит отторженья
с несуразностью идей.

Грусть останется на поле
до весенних холодов.
Непонятно всё ж, доколе
нет нам выгодных ходов?

Отвечать придётся в тихом
развороте под огнём,
в пониманье грубо ихнем:
«Ошибаясь, не свернём!»

Верхами

«Патриоты», с вами я не спорю,
все вы фейки, в сути, фраера.
Нравится встречать мне утром зори,
проводить их тихо в вечера.
По сердцу пейзаж осенний.

Днями,

что неделями меняют цвет.

С увядающими вмиг цветами,
для чего причин как будто

нет.

В изменяющейся цветогамме
кроется безжалостный объём
опадающей листвы.

Верхами

не галопом мчимся, а бредём
по поверхности стихии света,
к нам летящей из Вселенной звёзд
расшифровкой песенных приветов,
словно капельками

в небе слёз.

Испаряются в заре востока,
начиная новый день, мечты.
Под крылом течёт река истока,
что прекрасно видно с высоты.

И швартуется

Осень в увяданье хороша!
Цвет меняется за ночь одежд.
Происходит осенью спеша
и лишает всяческих надежд.

Лист срывается, кружится с кроны,
стелется на землю он ковром.
И не каркают, кричат вороны,
и швартуется к зиме паром.

Гонит ветер волны по протокам,
гнёт он ветви до земли легко.
Возвращаемся к своим истокам,
хоть они теперь так далеко.

Тут стояла деревушка в счастье,
с берега глядела летом в Обь.
Извели родную вскоре власти,
в счастье не жили бы люди чтоб.

Место заросло с тех пор бурьяном,
всюду заросли шумят кустов.
Как прозрачно было здесь утрами,
вечерами истинных стихов.

Светят огни

С дровами что за холода?
Пускай свирепствует зима.
Затопим печи – и тогда
тепло, как летом, у меня

мозги не мёрзнут, и в пимах
иду по снегу под закат,
и, потеряв к морозу страх,
с дровами, и ему я рад.

Пусть свирепствует на поле
за окном моей избы.
Разгуляться где на воле,
может, без, с огнём борьбы.

Холода в Сибири крепки,
нам привычные они.
И шагаю я под кепкой,
светят фонарей огни.

В круге свет, за кругом темень
и метель метёт снега.
Зимнее с пургою бремя
тяжкое, как в снег бега.

Потомкам

А день всё короче, короче,
и в двери стучится зима,
и ветер о чём-то пророчит,
наверно, пугает меня

своей погрешимостью в поле
на тихой и светлой заре,
где кто-то развесил вновь тролли
по раннепредзимней поре.

Когда затуманены окна,
не виден просвет в облаках.
И мой развевается локон
в возникших под вечер стихах.

С утра записал их на память
потомкам из будущих лет.
Свисает из прошлого замаять,
которой сегодня уж нет.

Но скоро пойдёт день на прибыль.
В окно постучится весна.
Почувствует зимушка гибель,
свирепствовать станет она.

Меняя суть

А грусть меня не покидает
в осенне-зимний тусклый день.
Печаль плывёт по-над Алтаем,
зловещую откинув тень.

Надежды нет на исправленье
всех состоявшихся невзгод.
Развитие без направленья
и без ответственных свобод.

Потерянное чувство рано
уходит в редкостную глубь
и льётся ложью по экранам,
меняя истинности суть.

И снова наступает скука
от лжи безнравственных господ,
во власти держит их порука
не первый, но последний год.

Настанут перемены в жизни,
поднимемся и мы с колен.
Одарит счастьем нас Отчизна,
исчезнет несвободы плен.

Одаривает строкой

Снежинки закружились, пали.
Никто не хочет их поднять.
Посеребрённые вновь дали
в ночи, поярче став сиять,

напомнили созвездья неба,
где нет границы никакой.
Владенье искреннего Феба,
одаривает кто нас всех строкой.

Услышав чистое звучанье,
записываю в чистый лист.
И новые идут мечтанья,
хоть небосклон пока что мглист.

Надежда нас не покидает,
что будет чистым небосвод
и солнце чести воссияет,
расправит плечи вновь народ.

Пусть снова падают снежинки
и поднимают тонус нам.
Пока нам всё ещё в новинку,
мы даже рады облакам.

Накрывают

Я люблю метель с пургой,
бесятся когда они.
И люблюсь той игрою.
Накрывают пледом дни.

Всё становится красивым
и покрытым серебром.
Иссякают в играх силы,
снег становится добром.

Сохраняет урожаи
будущих в посевах дней.
Мы о прошлом не мечтаем,
силы бережём коней,

тройкой чтоб промчатся в строках
по пурге, бушующей в стихах
о любви, не о пороках,
с искрой нежности в очах.

Пусть нам ветер дует в лица,
наводя румяна щёк.
Тройка мчится, словно птица,
следом стелется снежок.

Устали хлопать

За жизнь в перспективе награда,
летаю я в небе ночном
под тихую грусть снегопада,
любуюсь журчащим ручьём,

стекает весною что с сопок.
Ветра пронеслись, ошалев,
и ставни устали вдруг хлопать,
утих бестолковый напев.

Мы все повзрослели в полётах
над синей тайгой за винтом.
Надёжность спасала пилотов,
перед ней рассыпался фантом.

Освоили Як реактивный
и вышли на трассы страны.
Мы были в полётах активны,
своим самолётам верны.

Стоят, отдыхают в ангарах,
покрытые пылью, они,
что были подобны Икарам.
Сняты бортовые огни.

Заставляет понять

А я помню осеннюю вьюгу
и приход между тем декабря,
как ходила позёмка по кругу,
всю округу легко серебря,

предвещала холодную зиму,
оставаясь свой век без тепла.
Я пространство во поле окину
и расправлю стихами крыла.

Пусть же светит нам солнце в зените,
серебрится ночами луна,
пусть же ткёт нам метельные нити.
Но не в этом зимы всей вина.

Заставляет понять бестолковость
человеческой массы Земли.
Никому не понравится новость,
чтоб понять бы её не смогли.

Упрощенье безумно красиво,
что вползает в сознание людей.
Кем ты стала, держава Россия?!
Нет ответа у злобных вождей.

Некоторые

Занесён был я в скрижали
в перманентном ноябре.
Зубы, что ль, заскрежетали
в перламутре, в серебре.
Думал, я поймал удачу,
и грозился быть успех,
но запас был вновь истрачен,
вызвал что у своры смех.

Некоторые, залаяв,
успокоились меж строк.
Снежный ком к ночи растаял,
видно, грянул модный срок.
Я остался на диване
загорать в лучах из грёз
и с мечтой о русской бане,
раз свирепствует мороз,

знать, зима уже настала,
рассыпает серебро.
Ждать гуляния устала.
Ставлю снова на зеро.
Все нули в одном флаконе
и вращают колесо.

Я стою, как на балконе,
а в руках моих весло.

Мы из той эпохи страха
полюбили спорт, как мёд.
На груди сверкает бляха,
словно серый натюрморт.

Вот хилию по дорожке,
то «спортивная ходьба»,
вслед за мной несутся дрожки,
и идёт на них борьба

за налоги на налоги
и на то, чтоб говорить.
Исчезают все предлоги,
но подлоги, впрыгнув в прыть,
обгоняют ложь советов,
независимых корней,
извлекающих приветы

из квадратов, где репей

раскидал свои головки,
задремавши до весны.
И лежат внутри подковки,
что спадают со струны
ненастроенной гитары
на предзимний снегопад.

Не танцуют в ветер пары.
Гибнет в Сирии солдат.

На Чуйском буксовал

Всё на свете изменилось,
хочется мне бег понять,
отчего так всё же мнилось
вечером в лесу опять.
Мне казалось появленье.
Несерьёзный странный ход,
словно грусти повеленье,
нестерпимый зимний плод

проникал в пространство грусти,
в беспокойстве веселясь,
буксовал авто на Чуйском
и месил под скатом грязь,
вырываясь на просторы
приснопамятных полей,
что не радовали взоры
разделением долей.

Развязать войну несложно.
Завязать, скажите, как?
А в России всё возможно
под весёлый дружный мат.

С мечтою

Да! Был я в преддверии Ада!
Вернулся на Землю назад.
И понял, что это награда –
высокая из всех наград!

Звезда полыхала над полем,
и райские кущи цвели.
Ходил неторопко по полям,
сгорая от нежной любви.

Всё было красивым по сути
на ветреном дне рубежей,
где время с желаньем несутся
и слышатся скрипы гужей.

Мы, времени не выбирая,
живём в продолжении лет
с мечтою земною о Рае,
где места, наверное, нет.

Убитыми заняты, видно,
на злобной Планете Земля.
В Аду мы пожили. Обидно,
что Рай нам не светит, друзья.

Не богатство

Наши годы не богатство,
а тяжёлый жизни груз.
Развалившееся братство,
вмиг исчезнувший Союз.

«Патриоты», где вы были
в роковые с танком дни?
По дверям ТВ бомбили,
но, не увидев западни,

просчитались, сели в лужу.
Власть советская – Форос.
Был народ стрельбой разбужен,
с ходу он решил вопрос.

Наши годы не богатство.
Строки праведные Муз.
Разделились вновь на касты
и, взвалив приятный груз,

на Парнас взлетели с честью,
закрепились навсегда
и стихи, и наши песни.
Но богатство не года.

Не особое

Заотубил я однажды
непонятный агрегат.
Мат звучит там трехэтажный,
выставил я арьергард

впереди захвата власти
на шарнирах от хлопот,
изменил по ходу масти,
чтоб создать тупой оплот.

Для чего – понятно людям
не в эпоху торжества
с неприемлемостью блуда.
Совесь, знать, моя чиста?

Задаю вопрос от фени

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.